

П О Э З И Я

Елена Игнатова

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

Вот я прямо иду, на север. Морозка, корни.
Больно, больно ступать! Болото тебя прокормит.
Затянуло крапивой заброшенный лагерь. Вышки.
На Египет слезат эти птички, на речки вышли.

Оперённый иероглиф летит, а зрочки вдогонку.
Вот я прямо, на север... А смерть отошла в сторонку.
Сердце ищет смоленских трав - валерианы, мяты.
Духом нищие - в небеса перейдя - богаты.

Я богатство своё расточу, раздарю заранее,
А болото прокор... А там не ступай - поранит!
А тропинки не бой... Сойди же о ради Бога!
Слава Господу, призрающему нас на Его дорогах.

- o - o - o -

Лепесток горбатый розы,
Мышка за хвост продета в петлицу,
Петлиметр болотной столицы,
Вот твой портрет.

Комната на рассвете
Из дома сирот. Кирпич, подрубленный косо.
Вечный ответ в вопросе:
"Ты меня любишь?" - "Как никого на свете".
Вопрос - в ответе.

В чайное блюдце зимы мы дуем вместе,
Её узоры легли на сердце.
Режу из чёрной бумаги профиль. Сердятся
Твои губы под мягким нажимом ножниц.

Приснился жених невесте!
Приснится. Позже.

Петиметр промокшей столицы
И насупленная девица
Стоят под Петропавловским шпцем,
Глядят на весну сурово...
Я тебя позабыла.
Помню, что имя было
Детское — Лёва...

ПАМЯТИ ДРУГА

I

Смерть — домовитая ласточка. Всякому сору и мимолетящему трепету крылышек ведаёт место и вкус.
Тоньше соломинки ставший — любимый
Ею настигнут и спрятан в сияющий, плачущий куст,
В страшном гнезде предрождественской муки хранимый.
Я не увижу ни глаз его больше, ни уст.

Я ли бессмертье сулила? И на траве в подмосковьи
Помню разрез удивлённый глаза, и радужной тьму,
"Любишь?" — начавшись, записка кончалась: "с любовью"
Замкнутый круг образуя. Кружилась моя голова
Кончен пробег. Ты умрёшь голодающей кровью.
Я разлюбила. Жива.

О, на земле, под землёй, оплетённая сетчатой тенью,
Что прокричит сироте, чтоб оттянуть переход?
Что отыскать суждено в посмертном пылающем сене?
Только игла уколола. И открывается ход
Из глубины. По ступеням
Он подымается, слабое пламя несёт...

И вот очнулось нищее страданье,
 Уже не помня, причитать по ком,
 Но слабый гласный пар под языком,
 Растенья слов, излучины молчанья
 Пугали, оплетали душу и
 Гремело небо, осypались листья,
 Когда пытались губы о любви
 Проговорить, а робкий ум — промыслить.

Я поняла, разбившись о края
 Сосуда боли, кремниевой чаши:
 Срастается за ними жизнь моя,
 И никогда уже не будет — наша.
 Так полузахлебнувшийся зверёк,
 Ещё цепляясь за ковчеге днище,
 Не видит, что его звериный бог,
 Когтями раздвигая воды, ищет.

- o - o - o -

Загляделась я в полыньи:
 На невнятную жизнь мою
 По воде глубинной гадаю.
 Закраснелась вода, зажглась —
 Это облако, отразясь,
 Занебесным коснулось краем.

- o - o - o -

Спи на чужбине родной.
 Месяц стоит молодой
 Над Неменом чистым, над тихой Литвой,
 Тот же — в Москве и Курске.

Речи чужой нахлебавшись за день,
Так же, попав в Гедеминову сень,
Здесь засыпал Курбский.

Милое дело — отчина: полон,
Чёрный опричник, малиновый звон
Во славу Отца и Сына.
Жизнь коротка. И с тяжёлой женой
Можно заспать на чужбине родной
Память. А смерть обошла стороной.

Милое дело — чужбина.
Как образуется ложь на губах?
Слов раскалённых не выстудил страх,
Желчь не разъела кристаллов словесных.
Жилиста правда и ломит хребёт
Кровным. И слово твоё предстаёт
Курском голодным, разбитым Смоленском.

"Господи, этих казни, не меня!
Господи, этих прости и меня!
Боже, помилуй Иуду, Иуду!"
И засыпает в глубоких слезах.
Сердце плутает в сосновых лесах,
Слово забывши, не веруя в чудо.

Но большеглазых московских церквей
Свет ему снится и голос: "Андрей,
Почва — страданье, а жатва — спасенье!"
Первый петух закричал на шестке,
Клевера поле в перном молоке,
Зёрна, прилипшие к мокрой цеке,
И — сквозь зевоту жены: "Воскресенье!"

С рождения, сколько помню — степь и снег
Я ощущала, дышат у затылка,
И жизнь не сложнее, чем развилка
Осенняя: и грязь, и дождь смурной,
Земля застыла, смёрзся перегной,
Но как царица в чаше ледяной,
Не умерла, а спит и грезит пылко.

Что знаем о стране? Что нет колбас,
Что бредим и бодем, что в неволе,
Но эти новости перекрывает бас
Простора небывалого. И в боли
Не сознаём, что это диким полем,
Родимым, кровным — сманивает нас.

Неосмыслима с родиной связь,
А наши дни — листва для перегнойа.
Она крутит меня, не изменясь:
Не как крошат комок земли весной —
Вдыхая, и зависая, и гордясь,
А так, как в осевь обрасывают грязь
С подошв. И оставляют под стеною.

- o - o - o -

Могила Батюшкова в Вологде.
В гранёном колоде
Воды летеиской — в небеса зрачок.
Над нею — коченеющий сверчок —
Сквозь провода луна.
Мёртв монастырь. И чёрный остов сна
Топорщится над головой безумного поэта.
А под землёй серебряная Лета
Испита до конца, испытана, воспета,
Погребена.

В монастыре армейский склад снарядов.
Топочет часовой по вымерзшей земле
Нетопырём. В заснеженной золе
Под ним чистейший перл, словесности отрада.
Поэта мучит сон о теле и тепле.

Спит Батюшков. В истлевшем сыртуке
Личинка ждёт весны. В земле идёт движенье,
Могильный холм устал от напряженья
Быть выгнутым, ополз... Солдат невдалеке
Услышит плеск воды. На Вологде-реке
Лёд треснет, обомрёт, начнёт движенье.

И вот на стёртый лёд, под пресную метель
Тень сторбленная из могилы выйдет.
Не Батюшков ли та источенная тень?
Чернеется в горсти разбитая свирель...
Он воду черпает у монастырских стен,
Зияет жуткий рот, искривленный в обиде.

РОДСТВЕННИКИ

I

У мамы был любовник. Он приходил
Каждый вечер, её жалея.
Пробирался по коридору вдоль бочек
С прелой солониной, одичалым пивом,
"Тёмные аллеи, — бормотал, — тёмные аллеи".

Мамин любовник погиб на Дону.
Она молила морфию в аптеке,
Грызла фуражку, забытую им.
Его зарыли в песок вниз лицом.
Кто скажет, сколько пуль спит в этом человеке?..

Как хорошела в безумьи, как отходила
И серебрела душа, втянута небом.
А за вагонным окном и мело и томило
Всей белизною судьбы, снегом судебным.

Как хорошела. Лозой восходили к окошку
Котфы её рукава, прозелень глаза,
И осыпалась судьба крошевом, крошкой...
Не пожила. И не пожалела ни разу.

Родственница. Деятнадцатый год. Смерть в вагоне.
Бабы жалели и рылись в белье и подушке,
Брата портрет — за каким Сивашом похоронен?
Да обрзок с Соловков — замещение иконе,
Хлебные крошки, обломки игрушки...

Снега равнинные пряди. Перхоть пехоты.
Что-то мы едем? Куда? Наниматься в прислугу.
Наголодались в Поволжье до крови и рвоты,
Слава Те, Господи, не погладали друг друга.

Зашевелились холмы серою смушкой.
Колокола голосят как при Батые.
На сухари обменяли кольца в теплушке
Нина, Наталья, Любовь, Зина, Мария...

Хлеб с волокном лебеды горек и мылист,
Режется в чёрной косе снежная прядка.
Так за семью в эти дни тётки молились,
Что до сих пор на душе жутко и сладко.

Хвойной, хлебной, заросшей, но смысл сохранившей и речь
 Родине среднерусской промолвив: "Прости",
 Я просила бы здесь умереть, чтобы семечком лечь
 В чернопахотной смуглой горсти.

Мне мерещилась Курбского тень у твоих рубежей
 В дни, когда я в Литве куковала, томясь по тебе.
 Ты таких родила и вернула в утробу мужей,
 Что твой воздух вдохнёт Судный ангел, прикинув к трубе.

Ибо голос о жизни нетленной и Страшном Суде
 Слит в корнях чернолесья, в глубинах горячих полей,
 И нетвёрдо язык заучив, лепеча о судьбе,
 Обвисают над избами крылья твоих тополей.

Голубиная Книга и горлица, завязь сердца,
 Сытный воздух, репейник цветущий, встающий стеной...
 Пьян от горечи проводов, плачет и рвётся отец,
 И мохнатый обоз заскользил по реке ледяной.

"Обоз мохнатый по реке скользил, — твердит Овидий, —
 И стрелы падали у ног, а геты пили лёд..."
 Изгнанничество, кто твои окраины увидит,
 Изрежется о кромку льда и смертного испьёт.

И полисы — не польса, и те же в них постройки,
 И те же пчёлы сохранят в тяжёлых сотах мёд,
 Но с погребального костра желанный ветер стойкий
 В свои края, к своим стенам пустую тень несёт.

Нае изгоняют из числа живых, и в том ли дело,
Что в эту реку не глядеть, с чужого есть куста?
Изгнанничество, в даль твою гляжу остолбенело,
Не узнавая языка. И дышит чернота...

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

I

И русского стиха прохладный влажный сруб,
Звезда под крышкою чудесного колодца.
Смотри, как плещется, кипит у самых губ
Вода бескожая. А в горсти не даётся.

Но если в августе разомкнут небосвод,
И мокрой чернотой размыты дали,
Кастальская вода в ключах твоих поёт
Настоем бедности бессмертной и печали...

2

Ты увидишь монгола в коровьей одежде до пят
И степных мудрецов, испытанных, горят ли божницы.
Отшатнётся Рязань, закусив окровавленный плат,
И волчица придёт в городище разбитом цениться.

В чём твоё искупленье, земля? И отчизной затем
Ты зовёшься, что емлешь детей своих кости?
Ты — земля без конца, безобразное месиво тел,
Но сияют глаза матерей у тебя на коросте.

И за то, что я тоже паду в этот стонущий прах,
И за то, что с рождения в сердце полынное семя,
Дай мне только надежду, прощальную соль на губах,
Что не станешь ложиться лицом под татарское стремя!

Что болтан? Какое мне дело до этих людей?
Отпусти меня, мать, позабуди меня, дай мне укрыться!
Только бы не упасть между этих могильных грудей
И водой подземной во чреве не колотиться!

3

Сидят большие мужики.
Их бороды клинообразны,
В глазах зимуют светляки,
А руки праздно.

Концерт по радио. И он
Надоедает.
Ребёнок тощих комаров
Под лампой давит.

Смоленщина! В моей судьбе
Больные звенья,
Ты чернолесье, ты любовь,
Погост, где брат мой спит без снов,
И мать без утоленья.

4

Для российской жены на чужбине что станет милей?
Возле сердца горит запылённая веточка дрока.
Заучило безличье лицо. Но осталось у ней
Голубиная завязь зречка деревенских пророков.

Вот на лавочке в ряд, словно дети, сидят и ведают:
"Верно, сушь повторится, точнее, дождливый июнь".
Низко-низко над ними кружит, только шапки с голов не сшибает
Дурковатая птица, седой Гамаюн...

Перебилась, прости. Для российской жены вдалеке
Есть флакон со снотворным, и капли разбиты в стакане,

Столь безлюдные ночи, что лишь на Каяле-реке
Человек помаячит и исчезает в тумане...

Ты снисходишь до нас, о тяжёлая птица чужих поднебесий,
Говоришь, что Россия на взлёте, точнее, мы все прогорим,
И кружит над тобою, как пыль на дорогах безлесий,
Столь свободный, столь ароматический дым...

Если сердце закушено, если татарская ртуть
Раскатилась по жилам, то нам ли с тобой об обиде?
Под каким бы бетонным надгробьем, в какой бы земле ни уснуть,
Эти нажиты горя о только бы издали видеть!

5

Силы прошу я и сердца без края.

Иполосовано болью, сумело б замену снести!
С каждым отъездом частица души, отлетая,
Не отлетает. Крошась, как краяха сухая,
Воё же прощает. И силы нашла для "прости".

Речи заёмной хочу я — немецкой, английской!
Русское слово для слуха, что слёзные яблоки глаз.
Что мне Москва? Словно в яме остылой и склизкой,
Нету его. Сердце, выдай холопа Бориску,
Чтобы судил его памяти тайный приказ!

Я попрошу о ночах без греха и о теле без плоти,
О неязвимом вовек золочёном яичке судьбы!
Вы же смогли... В серафическом вашем полёте,
К Лете припав, вы забвенью безгрешное пьёте.
Как мне прожить на высокой нервущейся ноте?
Как избежать и запоя, и воя, удавки, угарной избы?..